

Юлия Латынина

ИЗБРАННЫЕ РОМАНЫ

Юлия Латынина

СТАЛЬ·
НОЙ
КОРОЛЬ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л27

Латынина, Юлия.
Л27 Стальной король / Юлия Латынина. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-120561-4

Следователя по особо важным делам Дениса Черягу пригласил на свадьбу родной брат.

Ехать далеко, в забытый богом Чернореченск. Тот самый городишко, где кипят нешуточные страсти, о которых все газеты и телеканалы трубят: шахтеры бастуют, металлургический комбинат вот-вот остановится без угля...

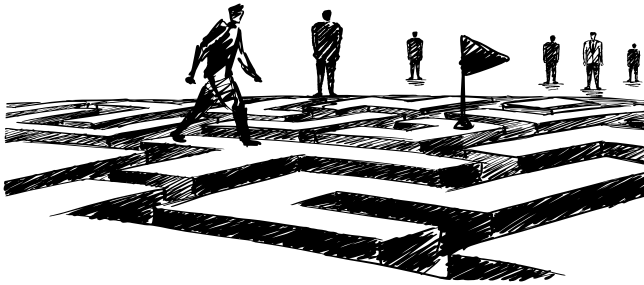
Но отказаться нельзя. Брат все-таки.

Но радостной встречи не получилось. Труп брата с дыркой от пули во лбу милиция обнаружила недалеко от Чернореченска. Там же — еще один труп и несколько тяжелораненых. Все они — те самые шахтеры, устроившие на трассе пикет.

Вместо того чтобы гулять на свадьбе, Денис Черяга берется за расследование кровавой бойни. Ему бы бежать сломя голову из этого страшного города. Но было уже поздно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120561-4 © Латынина Ю., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОМИНКИ ПО ПИКЕТУ

Столовая в этом здании не изменилась с советских времен: на кафельном полу стояли пластиковые, пожелтевшие от времени столики, и чтобы добраться до кассы, надо было отстоять шевелящуюся и кашляющую очередь. На алюминиевых полках, вдоль которых двигалась очередь, чах салат из свежих огурцов бледно-синюшного цвета, щи капустные и куриные котлеты, обильно залитые соусом. Цветом соус напоминал боевой прикид омовца и употреблялся с той же целью, а именно — для камуфляжа.

Денис Черяга, следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры, опасливо обошел котлеты стороной и удовольствовался салатом и булочками. Свой трофей Черяга отнес к пластиковому столику близ окна, раздобыл бледную гнутую вилку времен пуска Саянского алюминиевого завода и начал есть, задумчиво обозревая унылый пейзаж из московских

крыш, просвечивающий через заросшее жиром окно столовой.

Денис Федорович был еще молодой человек, лет тридцати двух, немного ниже среднего роста и такой щуплый, что друзья в прокуратуре шутили насчет того, что тонкостью талии он мог бы поспорить с фотомodelью. Однако тонкие его запястья переходили в широкие не по размеру ладони, и костяшки длинных, аристократических пальцев были покрыты характерным мозолями человека, который часто лупит по груше и много отжимается на кентусах. Лицо у Дениса было обманчиво спокойное, с широкими скулами и твердым лошадиным подбородком, и васильковые глаза прятались за широкими стеклами очков. Это было лицо человека, занимающегося самым паршивым, что есть в человеческой природе, — а именно этим занимался Черяга.

Денис Черяга специализировался на маньяках.

Так уж получилось, что первое дело молодого следователя было связано именно с подонком, душившим женщин в лесополосах вдоль железных дорог. Дело было неожиданно быстро раскрыто, Черягу заметили, и через несколько лет он, несмотря на молодость, был произведен в «важняки». Однако фронт работы остался прежним: начальство спешно высылало его туда, где обнаруживались изуродованные трупы женщин и подростков, и за свою недолгую карьеру Черяга навидался бессмысленной жестокости не меньше, чем если бы он провел все это время в Чечне или в Бейруте.

Напротив Черяги на стол шлепнулся поднос, заставленный целой кучей блюд, и басистый голос пророкотал:

— Привет, Данька! Ты, говорят, завтра в Чернореченск едешь?

Черяга поднял голову: рядом с ним разгружал свою жратву веселый и толстый Горчаков из соседнего отдела.

— Да. Завтра.

— Что — с Ахметовым?

Вот уже второй месяц по всей Руси Великой бастовали шахтеры, перекрывая железные дороги и приводя в отчаяние местные администрации, и Александра Ахметова во главе следственной бригады отправляли в Сибирь разобраться, куда же все-таки делись шахтерские деньги.

— Нет. Ты же знаешь мою специализацию, — усмехнулся Черяга, — какие там шахтеры! В отпуск на свадьбу. Брат женится.

— Брат? А я и не знал, что у тебя брат есть.

— А я и сам забыл.

— Что так?

— Двадцать лет парню, — сказал Черяга, — три года сидел, сначала как малолетка, а потом... В общем, год назад вышел.

— И чем же он сейчас... занимается?

— Не знаю. Мать клянется, что поумнел. Очень просит на свадьбу приехать.

— А на чем же ты поедешь? Там же дорога перекрыта.

— На машине. Мать просила плиту для новобрачных купить. Японскую. Они здесь, в Москве, дешевле. Как раз в багажник влезет.

Горчаков поднял голову и заорал:

— Эй, Сашка! Иди сюда.

Через мгновение к обедающим подошел Александр Ахметов — тот самый следователь, которого посылали по душу шахтерских посредников.

— Ты когда в Чернореченск едешь?

— На следующей неделе, — сказал Ахметов, — раньше не получится.

— А вот он — завтра. На свадьбу.

— Очень приятно, Денис Федорович, — отозвался Ахметов, — вы если что услышите от местных, заходите к нам. Будем только рады.

— Да я в отпуск, — сказал Черяга, — и вообще я мало в этих делах разбираюсь.

— Все-таки заходите, — повторил равнодушно Ахметов.

* * *

Разумеется, никакая газовая плита не влезла бы в багажник «Жигулей» или какого-нибудь там «Москвича», причитающегося по рангу следователю с зарплатой, на которую не прокормишь даже кошку. Но в том-то и дело, что у Черяги была потрясающая тачка, не тачка, а мечта — новенький «Мерседес»-внедорожник, пятисотый, темно-зеленый, с неброскими аристократическими обводами полуфургончика, столь же простенькими, как вечернее платье принцессы Дианы.

Не то чтобы Черяга был единственным следователем прокуратуры с такой лайбой — его сосед по кабинету Сеня Гочкис ездил аж на шестисотом «мерсе», — но, в отличие от Сени Гочкиса, Черяга заработал свою тачку не тем, что обслуживал московские криминальные группировки.

Месяцев шесть назад на одной из московских дискотек пропала белокурая, с длинными волосами девочка. Несмотря на то что тело ее нигде не было найдено, дело поручили Черяге. Такая невиданная по нынешним временам прыть объяснялась двумя причинами: во-пер-

вых, в Москве пропали уже две белокурые с длинными волосами девочки, и свежие трупы обеих нашли через месяц, в каком состоянии — это даже Черяга предпочитал не вспоминать. Во-вторых, девочка была дочкой одного из металлургических королей России. Для розыска возможной жертвы была поднята на уши вся Москва, включая двух законных воров. Однако повезло Черяге: он нашел маньяка, и он нашел девочку, на цепи в подвале, но живую.

Правда, следующие три месяца девочка провела в психиатрической клинике.

Через неделю после ареста маньяка придушили в тюрьме, а на следующий день после этого происшествия Черяга обнаружил у себя под окнами темно-зеленый внедорожник с трехлучевой звездой на капоте. Он даже попытался было отказаться от машины, но промышленник внятно ему объяснил, что ему с Черяги ничего не нужно, что он не бандит, не авторитет, а что если его заводам понадобится оправдываться насчет налогов — так не к Черяге же с его специализацией за этим обращаться!

Словом, роскошный внедорожник остался у Черяги вкуче с предложением звонить в любое время.

За шесть месяцев работы он еще ни разу не ломался, горячее для него стоило вдвое дешевле, и единственной повышенной строчкой расходов оказались гаишники: аристократический «мерс» они тормозили впятеро чаще, чем пенсионную черягинскую «шестерку».

* * *

Дорога до Чернореченска заняла почти три дня. Проворочавшись всю ночь в скверной челябинской гостинице, Черяга выехал в пять утра и вот уже сем-

надцать часов крутил баранку, останавливаясь только затем, чтобы справить нужду или по требованию гаишников.

Дорога, связывавшая Европу с Азией, была разбитая и серая, шириной в два ряда, и по обеим сторонам ее рабочие местных заводов продавали унитазы и надувные игрушки, выданные им на предприятии в счет зарплаты.

На границе области рыцарь с большой дороги, изучив его документы и сообразив, что денег с правоохранительного коллеги ему не содрать, философски любопытствовал:

— Вы куда направляетесь, Денис Федорович?

— В Чернореченск.

— Там дорога перекрыта.

— Мне-то что? Я на машине.

— Там автотрассу перекрыли тоже, — сказал гаишник.

— Давно?

— Да с утра.

— На въезде или на выезде?

— На въезде. — И гаишник с любопытством заглянул внутрь черягинской машины. Надо сказать, что «мерс», груженный плитой, представлял собой довольно пикантное зрелище — все равно что позолоченная карета с гербами, внутри которой едет стог сена.

Километров за сто до Чернореченска дорога испортилась: небо стало черным и злым, как угольный пласт, верхушки деревьев затанцевали на ветру, выламываясь во все стороны, как стриптизерка у шеста, на разбитый асфальт упали первые крупные капли дождя.

Черяга поднял стекло и включил радио: комментаторы на все лады обсуждали очередную забастовку. Начальник Западно-Сибирской железной дороги ска-

зал, что убытки ее измеряются уже сорока миллионами рублей. Министр экономики Яков Уринсон заявил, что правительство не намерено идти на поводу у шахтеров. Директор соседнего Ахтарского металлургического комбината пожаловался, что еще четыре дня забастовки — и на заводе кончится кокс для коксовых батарей.

— Насколько это серьезно? — спросил комментатор, и директор ответил:

— Завод можно будет выбросить на свалку.

Голос у директора был молодой и нервный, и Черяга подивился странному в нем напряжению, угадываемому сквозь треск разрядов: Черяга был человек опытный, и нотки, которые он слышал в голосе директора, он привык слышать в голосе обвиняемых.

Комментатор еще чего-то спросил, но тут за взгорком моста показался Чернореченск, и Черяга выключил радио.

Дождь лупил по дороге прямой наводкой, в небе вспыхивали молнии — Господь Бог развлекался концертом с цветомузыкой.

Обещанного пикета не было. У автобусной остановки жалась под козырьком кучка растерянных людей, да вдоль дороги стоял пяток милицейских «синеглазок» с включенными маячками. Маячки вертелись как на дискотеке, выхватывая из темноты дорожное полотно, группу растерянных оперов и темную кучку одежды на асфальте, и Черяга принял было вислоухи от фотоаппаратов за вспышки молний.

Черяга остановил машину и пошел к «синеглазкам».

— Вы куда, гражданин? — загородил ему путь молодой белобрысый сержант.

Черяга вынул свое удостоверение. Сержант изучил его, внимательно оглядел «мерс» и взял под козырек.

Черяга так и не понял, что послужило для сержанта более убедительным аргументом: удостоверение москвича или роскошная тачка.

— Что случилось? — спросил Черяга.

— А черт его знает, — растерянно ответил сержант.

Черяга прошел дальше. Кучка тряпья у разделительной полосы оказалась человеком: вокруг человека ползал эксперт с фотокамерой, другой опер держал над фотокамерой зонтик. Убитый был молодой еще парень, лет девятнадцати-двадцати. У него были мягкие русые волосы и синие зрачки, в которых отражались вспышки молний и фотокамеры. Шнурки кроссовок и отвороты джинсов были изгвазданы глиной — где-то в эту ночь парень бродил по размокшей земле, но было это давно — подошвы кроссовок были чисто вытерты. Во лбу, как третий глаз, темнела аккуратная дырочка. По сравнению с трупами, с которыми приходилось «общаться» Черяге, он выглядел как первоклассница по сравнению с бомжем.

Кто-то тронул Черягу за плечо: следователь обернулся и увидел мужчину лет пятидесяти, в кожаной куртке, блестящей под дождем. У мужчины был рыхлый красный нос и несчастные глаза алкоголика. На Черягу пахнуло дешевым винным духом.

— Вы кто такой? — сказал мужчина, и конец его вопроса потонул в раскате грома.

— Следователь Генпрокуратуры, — честно ответил Черяга. — Денис Черяга. В отпуск на свадьбу приехал.

— В Чернореченск?

— Да. А что случилось? Где пикет?

— Расстреляли пикет.

— Что?! — Черяге показалось, что он ослышался.

— Расстреляли пикет, — повторил человек в кожаной куртке, — подъехала тачка, высунулось дуло автомата, плеснули по пикету, развернулись и уехали.

— О господи! — только и мог сказать Черяга. — И сколько...

— Двое убитых, трое раненых. Да тут еще ни черта не ясно, что произошло, — вон, стоят голубчики, перепуганы до посинения.

— Кто? — не понял Черяга.

— Да пикетчики! Как дороги перекрывать, так ради бога, а теперь в штаны наложили, все разбежались, вон трое осталось. — И кожаная куртка ткнул туда, где под автобусным козырьком томилось несколько темных фигур.

— Кстати, — сказал мужчина, — Петраков, Ваня. Замначальника городского УВД.

Черяга смотрел на дорогу, туда, где из неподвижной кучи тряпья глядело в небо белое лицо.

— А кого убили-то? — спросил Черяга.

— Да вон один, а второй в канаве.

— Не похож на шахтера.

— А?

— Не похож на шахтера, говорю: кроссовки фирменные и куртка дорогая.

Петраков повернул голову и позвал одного из сотрудников:

— Васька! Подь сюда.

Васька поспешно подкатился к начальству.

— Кто такие, установили?

— Тот, который в канаве, — паспорта нет, по словам свидетелей, зовут Иваном Завражиным, а второй — вот паспорт.

И Васька вынул из кармана красную книжицу.

Черяга взял книжицу и раскрыл ее на первой странице. Там была фотография улыбающегося паренька и надпись: Черяга Вадим Федорович.

Денис долго смотрел в красную книжечку. Потом тихо прошел несколько метров и остановился над неподвижным телом в добротной кожаной куртке. Мертвые синие глаза глядели на мир удивленно и строго. В правой руке, неловко завернувшейся за спину, вдруг тускло блеснул «ТТ»: видимо, Вадим пытался отстреливаться или хотя бы вытащил ствол.

Денис опустил на колени в слегка розоватую лужу, щедро разведенную дождевой водой.

— Эй, Денис Федорыч, — позвал майор, — ты чего? Паспорт отдай! Или это знакомый?

Черяга поднял на майора васильковые глаза.

— Брат, — сказал Денис. — Знаете, мы не виделись десять лет. Я даже не узнал его.

* * *

Спустя час Черяга с Петраковым подъехали к зданию городского УВД. «Труповозка» за Вадимом так и не пришла, — как объяснил Петраков, не было бензина, и Денис с младшим лейтенантом в конце концов погрузили тело на заднее сиденье роскошного «мерса», рядом с газовой плитой, предназначавшейся ему в подарок на свадьбу.

В здании еще горели окна: еще бы, ЧП! Вокруг окружающего его деревянного забора толклись журналисты: не так, чтобы толпой, но все же во вполне раздражающем количестве. При виде «мерса» журналисты заволновались и защелкали фотовспышками.

Заслышав шум въехавшей в ворота машины, на крыльцо вышел дородный мужик предпенсионного воз-

раста. Даже без полковничьих звездочек на накинутаой поверх плеч форменной куртке в нем легко было угадать главное милицейское начальство.

— Привет, Ваня, — сказал человек, — отвезли?

— Да, Дмитрий Иванович.

— А это кто? — кивнул на Черягу Дмитрий Иванович.

— Я брат Вадима, — сказал Денис.

Дмитрий Иванович очень внимательно окинул взглядом роскошный внедорожник.

— Что, яблочко от яблони недалеко падает? — спросил он.

— Денис Федорович — следователь Генпрокуратуры, — сказал Петраков, — важняк.

Черяга молча прошел в дверь.

Городское УВД помещалось в небольшом двухэтажном домике и выглядело весьма небогато: за входной дверью начинался длинный коридор — не коридор скорее, а целый квадратный зал, с крашеным деревянным полом и цементными стенами, и в этот зал выходила целая куча дверей. Одна из них была широко распахнута, из дверного проема лился свет и слышался возбужденный голос.

Черяга подошел к двери.

Внутри, за письменным столом, сидел коренастый милиционер, а напротив его захлебывался рассказом мокрый человек в дырявых кроссовках. У человека были коричневые, почти черные руки, угольная пыль въелась в уголки его глаз, и если бы не сгорбленные плечи и скверная одежда, он был бы похож на гомосексуалиста с подведенными глазами.

— Значит, вы не помните номера машины? — спрашивал милиционер.